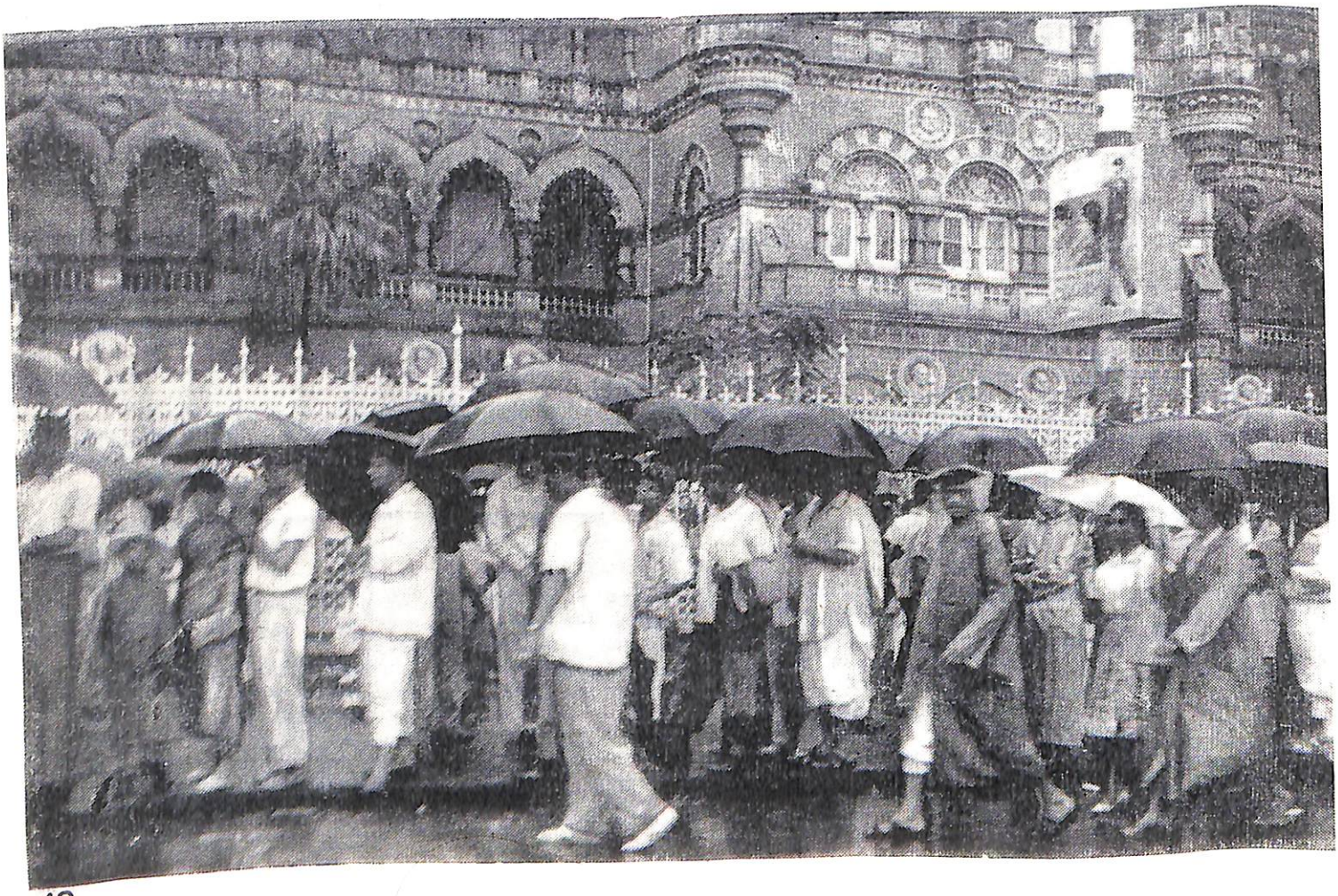
Тиктики — индийская ящерица

Тиктики — маленькая индийская ящерица. Она свободно поместилась бы на ладони подростка, если б не была такая шустрая и пугливая. Тиктики — домашняя ящерица, хотя никто этих ящериц не разводит дома, как кур или аквариумных рыбок. Эта ящерица — испокон веков непременный обитатель любого индийского дома, будь то хижина рыбака, роскошный особняк или фешенебельный отель. Тиктики неподвижно сидит на стене или на потолке, прицепившись своими лапами с присосками. Потом вдруг стремительно кинется на комара или мошку, которыми она питается, проглотит и снова застынет, поджидая следующую жертву. Иногда домашние ящерицы начнут вдруг, играя, носиться друг за другом. Это веселье нередко заканчивается тем, что у одной или другой в игре невзначай откусят полхвоста. Если человек осторожно сумеет подкрасться к тиктики и схватить ее за изгибающийся хвостик, она немедленно оставляет его в руках человека и скрывается, оказавшись на некоторое время бесхвостой. Вскоре у нее появляется маленький новый хвост. На охоту тиктики выходят обычно с наступлением темноты и бодрствуют вечером и ночью, когда им не мешают люди. На день они куда-то исчезают: наверное, спят где-нибудь в укромном уголке.

Индийцы очень любят этих добрых домашних ящериц, особенно за то, что они истребляют вредных насекомых. Тиктики,— правда, уже не настоящие, а сделанные из глины,— украшают стены домов. Они настолько похожи на настоящих, что не сразу решаешься взять их в руки. Тиктики совершенно безвредны и приносят большую пользу людям.

Бомбейские зонтики.
Фото Г. Писманника



УЗКАЯ ПОЛОСА ЗЕМЛИ

ТРАН МАЙ НАМ
Южный Вьетнам

Кан Лиш

ПОСЛЕ нескольких дней беспрерывного дождя наконец ясное, свежее утро. В голубом небе над тяжелой зеленью леса легкие, как хлопья капока[1], облака, прилетевшие с моря.

Останавливаемся перед дозорной вышкой, крытой пальмовыми листьями. Часовой, молодой солдат Освобождения в новенькой форме цвета хаки, мельком смотрит наши документы. Для него гораздо большей гарантией, чем эти бумаги, служит связной, который привел нас.

Проходим мимо колодца, выложенного камнем. Женщина, очевидно повариха отряда, моет возле него овощи. Она приветливо улыбается. Поднимаемся по дорожке, идущей ступенями и огражденной перилами из бамбука. Под густой листвой прячутся небольшие бараки. Из одного домика с нарядными решетками, сплетенными из тростника, слышен голос диктора радио, медленно читающего последние известия.

Связной ведет нас к комиссару вооруженных сил зоны. Его жилище похоже на остальные бараки. Столбы из стволов деревьев, не очищенных от коры, связанные толстыми лианами. Крыша из листьев. Единственная комната — рабочий кабинет и спальня одновременно. Два стола, узкая кровать из бамбука, ножки которой вкопаны в землю. В изголовье постели пояс с пистолетом, транзистор. На одном из столбов висит бидон. Судя по его закопченному дну, он служит для кипячения воды.

Комиссар просит нас садиться на скамейки — простые бревна, положенные вокруг стола, на котором стоит телефон.

— Мы слышали, что ваши люди выстроили настоящий город в джунглях,— говорит Ксуонг.

Комиссар, седоватый мужчина, по-мальчишески улыбается, наливая нам зеленый чай.

— Верно! Хоть наши бараки — не ахти какое жилье, но когда мы уходим из них, то скучаем, как по родному дому.

Председатель политического бюро, сидящий рядом с комиссаром, рассказывает нам историю зоны Три-Тхиена.

— Когда мы собирали первые отряды, было трудно. Наши солдаты шутили, что они носят четыре «склада» за спиной. Первый склад — провиантский: 45 мер риса, немного арахиса, соль, мука; второй склад — вещевой: форма для разных времен года, свитер, белье, одеяло, накомарник, гамак, палатка; третий — оружие: винтовка, патроны, гранаты, лопатка; четвертый — аптека: лекарства от малярии, гриппа, дизентерии, бинты, вата. Представляете себе такую ношу? А теперь наши «кочевники» стали оседлыми. Это все равно, что из курятника переселиться в многоэтажный дом.

Потом хозяева справляются о нашем самочувствии, о том, что мы видели в пути. Мы рассказали им об отряде женщин, переносящих грузы по дорогам.

— Действительно,— говорит председатель политического бюро, свертывая сигарету,— это очень тяжелая работа. И надо сказать, женщины не уступают в ней мужчинам. Но это очень вредно женскому здоровью: сутулится спина, гипертрофируются плечи, грудь сужается, ноги деформируются. Переносить грузы необходимо, никуда не денешься, но стоит задуматься и о последствиях. Мы предлагали женщинам вернуться в деревни и найти себе другое дело, но они и слушать не хотят. Конечно, любая из них думает и о замужестве и о детях, но они страшно боятся остаться в стороне от революции. Мы все время ломаем голову, какое бы найти им занятие полегче.

Как будто вспомнив о чем-то, комиссар вдруг спрашивает председателя:

— Кстати, что вы решили с Кан Лиш? Дадите отпуск ей или вызовете сюда ее мужа Ку Шиена?

Потом он обращается к нам:

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 11—12 за 1970 год.

[1] *Капок* — шелковистые волокна с семенами, разлетающиеся из созревших плодов хлопкового дерева.

— Вам обязательно надо познакомиться с Кан Лиш. Поистине, жители гор Три-Тхиена — необыкновенные люди! Я познакомлю вас с ней.

Когда мы решили все деловые вопросы, касающиеся нашего посещения зоны Три-Тхиена, разговор переходит на житейские темы. Комиссар рассказывает, как крестьяне убирают рис на затопленных полях в его родной деревне, которую он покинул, занявшись революционной работой. Потом он предлагает Куоку сыграть с ним вечером партию в шахматы.

Председатель партбюро оказался любителем классической музыки. Он рассказывает нам о Шуберте, Шопене, Чайковском. Он полагает, вероятно, что журналистам, Ксуонгу и мне, должна быть свойственна страсть к музыке. Узнав, что наш транзисторный приемник поломался в дороге, он приглашает нас прийти к нему вечером послушать музыку, которую передают заграничные радиостанции.

На следующий день нас познакомили с Кан Лиш. Мы сразу сдружились. Искренняя, прямая, она ничего не скрывает, даже своей личной жизни. Да ей и нечего скрывать. Она вам протягивает свое сердце на ладони. Мы задает ей массу вопросов — это ее не удивляет. Мы спрашиваем ее о родных, о боевых делах, о ее мыслях, но иногда задаем и совершенно странные вопросы: о музыкальном инструменте дангон, о разноцветных перышках птицы атьет, о буйволиных боях... Если она знает, то расскажет обо всем в мельчайших подробностях.

Однажды, как обычно, Ксуонг и я идем к Кан Лиш. Навстречу попадается товарищ, который руководит молодежным движением. Начальство посылало его узнать у Кан Лиш ее окончательное решение о встрече с мужем.

— Что же вам ответила Кан Лиш? — спрашивает его Ксуонг. — Придет ли Ку Шиен сюда, или она пойдет к нему?

Молодой человек делает неопределенный жест:

— Она взвешивает все «за» и «против». Она еще не решила.

* * *

Кан Лиш — дочь народности пако. Она из деревни Лелок, раскинувшейся на берегу прозрачной реки Плин. Ранней весной в ее деревне нежными цветами усыпаны персиковые деревья.

Все дочери деревни Лелок участвуют в войне. Кан Лиш была в 26 боях, на ее счету 41 убитый вражеский солдат, из которых три американца. На самом деле их еще больше, но у Кан Лиш строгие правила счета: она не записывает на себя врагов, убитых в боях, когда рядом с ней сражаются ее товарищи. «Коллективный подвиг», — говорит Кан Лиш.

Как героиню, Кан Лиш направили на съезд активных бойцов Народных вооруженных сил. После съезда ее послали ездить по стране и выступать перед народом. Прошел целый год, прежде чем она вернулась в свою зону. Она думала, что сразу отправится в родную деревню, но руководство оставило ее в центре для участия в готовящемся фестивале вооруженных сил Три-Тхиена.

Кан Лиш была огорчена — в деревне у нее мать. Ей разрешили отпуск на три дня. Потом Кан Лиш объяснила, что не только свидание с матерью звало ее в родные места, она слышала, что в ее краях стали хуже сражаться и что карательные отряды убили многих из ее друзей. Кан Лиш говорит: «Меня заставляют без конца путешествовать. Слов нет, путешествовать приятно и поучительно, но если я везде буду рассказывать только о своих прежних заслугах, то это очень печально».

Прежде чем идти к себе домой, Кан Лиш зашла к старику, руководителю повстанцев в ее родной деревне. Он пожаловался ей, что дела последнее время идут плохо.

— А если мы сегодня же ночью нападем на пост Алуой? — вдруг спросила девушка.

— Отличная идея!

К ним присоединился паренек, живущий по соседству. С наступлением ночи они втроем отправились в путь. Каждая тропинка, каждое дерево, каждый ручей напоминали девушке о тех временах, когда она вместе с друзьями сражалась здесь. В темноте они подкрались к аэродрому. Кан Лиш решила атаковать караульных, когда они пойдут в утренний обход.

— Подождите, когда рассветет и станет видна цель, прежде чем стрелять. Или ждите мою команду. Во всяком случае стрелять только в упор! А пока поспите немного.

К несчастью, противник кое-что изменил в своем расположении. Ни Кан Лиш, ни старик, ни парень не знали, что совсем рядом с ними была дозорная вышка. Старик не заснул всю ночь, но мальчишка спал вовсю, и дозорный услышал его храп. Он предупредил командира гарнизона о присутствии партизан, и тот решил утром захватить их врасплох.

Когда запели дикие петухи в кустарнике, Кан Лиш разбудила парнишку, велела всем зарядить винтовки и повторила:

— Стрелять только по моему приказу и только в упор!

Край неба светлел, но густой туман скрывал холмы и висел над рекой Плин. Партизаны продвигались к аэродрому, не зная, что впереди их ждет засада, а позади осторожно идет следом вражеский отряд.

Туман рассеялся, и Кан Лиш увидела вдруг, что впереди и позади враги. Она мгновенно выстрелила — двое упали, но ответных выстрелов не было. Командир, бледный, но улыбающийся, крикнул фальшивым голосом:

— Не стреляйте! Поговорим как братья!

Он боялся, что, метясь в партизан, они перестреляют сами себя: слишком близко сошлись оба его отряда.

Кан Лиш обернулась и увидела, что рослый детина схватил мальчишку из ее группы. Она выстрелила — детина свалился.

— Беглый огонь! — крикнула она. — Отступайте в лес!

Офицер скомандовал своим солдатам лечь на землю. Пока они выполняли приказ, трое партизан скрылись в зарослях.

— Я виновата, я опоздала из отпуска на два дня, — сказала Кан Лиш по возвращении в центр, — но зато я убила четверых врагов, чтобы отомстить за смерть моих друзей.

Два года назад Кан Лиш вышла замуж за Ку Шиена, молодого бойца из транспортного отряда. Тогда Ку Шиен, получив отпуск, спустился в долину реки Плин. Он шел в деревню Лелок с твердым намерением справить наконец свадьбу с Кан Лиш, которую уже много лет любил.

— Кан Лиш нет дома,— сказала Ку Шиену ее мать,— она командует отрядом. Они осаждают пост Алуой.

Ку Шиен отправился разыскивать отряд.

— Ладно! — сказала Кан Лиш.— Пусть будет свадьба на этот раз. Но мне нельзя сейчас уйти. Иди в деревню и готовь все для гостей. А я постараюсь совершить подвиг в честь нашего праздника.

Хотя в наши времена уже нет бесконечных свадебных церемоний, но все же нужно было сварить много еды и вина. Когда Ку Шиен закончил все приготовления, из его десяти дней отпуска осталось только два. Ку Шиен известил невесту, что все в порядке.

К концу дня родные, друзья, соседи в полном составе сидели за праздничным столом, не хватало только самой невесты.

Она вошла, запыхавшаяся от быстрой ходьбы, повесила на стену карабин и выбежала на улицу, чтобы умыть лицо и руки.

Началась свадьба.

Ку Шиен, застенчивый по натуре, улыбался и краснел вместо того, чтобы по обычаю обратиться к гостям с хорошими словами.

Тогда поднялась Кан Лиш.

— Шиен и я, мы оба работаем для революции. Мы женимся сегодня тоже для революции. Поэтому я с большой радостью могу вам всем сообщить, что сегодня я уничтожила семерых врагов.

Шумные аплодисменты, выкрики надолго прервали речь Кан Лиш. Она терпеливо дожидалась тишины.

— Как только кончится свадьба, я сразу же вернусь на поле боя, а мой муж — к своей революционной работе. Пока враг будет здесь, мы не покинем своих постов. Мы хорошо работали до женитьбы, еще лучше должны мы работать после нее.

Потом Кан Лиш повернулась к Ку Шиену:

— Выпей с товарищами и друзьями, а я иду на пост.

Она взяла карабин и вышла. Ку Шиен пил с гостями всю ночь, а на рассвете он отправился в обратный путь. Отпуск его кончился.

Через год Ку Шиену удалось снова попасть в деревню Лелок. Он надеялся встретиться с женой.

— Кан Лиш уехала на курсы повышения грамотности,— сказали ему,— для членов партии это очень важно.

— Ну что ж, в другой раз.— Ку Шиен вежливо улыбнулся и отправился обратно.

Так вот два года муж и жена не могут встретиться. Скоро Кан Лиш должна поехать на съезд активных бойцов сектора Три-Тхиена, оттуда на съезд бойцов всего Южного Вьетнама. Кто знает, сколько воды протечет под мостами рек, пока Кан Лиш вернется домой?

Вот почему так озабочены их семейными делами комиссар зоны и председатель партбюро. Надо как-то помочь мужу и жене встретиться. Кан Лиш — героиня, Кан Лиш во глазе отряда. Но Кан Лиш — еще и женщина, жена.

* * *

Чтобы предупредить Кан Лиш о нашем приближении, Ксуонг издали громко спрашивает ее:

— Чем вы занимаетесь, товарищ Кан Лиш?

ВЬЕТНАМСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Армия без полководца все равно, что тигр без головы.

*

Беда проходит, приходит счастье.

*

Без длинных дорог кто знает, хорош ли конь?

*

В зависимости от ветра и флаг вьется.

*

Верность познается во время больших смут.

Она лежит в гамаке, подвешенном к двум деревьям в садике за домом. Из дома слышатся звуки радиоприемника.

Услышав вопрос Ксуонга, Кан Лиш садится, быстро поправляет волосы.

— Чем я занимаюсь? Я изучаю газету.

Это не оговорка, она действительно изучает все, что написано в газете, от начала до конца. Мы с Ксуонгом молча переглядываемся: как же мы, журналисты, должны ответственно писать наши статьи, если нас изучают!

Мы идем с Кан Лиш к ручью. Сегодня на ней свободное черное платье без рукавов, с красными поперечными полосками. Ее полные смуглые руки обнажены. Сегодня мне особенно бросается в глаза ее красота. Легкими шагами идет Кан Лиш по тропинке, карабин ее перекинут за спину. Глаза блестят, губы все время готовы улыбаться.

Без обиняков я спрашиваю ее:

— Где же вы решили встретиться с Ку Шиеном — здесь или у него в отряде? Нам бы хотелось, чтоб ваша встреча была здесь, мы хотели бы повидать Ку Шиена.

Кан Лиш смотрит на меня и улыбается:

— Ни там, ни здесь.

— Почему же?!

Кан Лиш говорит тихо, с ласковой грустью в голосе:

— Мы очень, очень любим друг друга. Каждую минуту я думаю о нем, а он обо мне. Какое имеет значение, здесь мы увидимся или там?

Я смотрю в красивые глаза Кан Лиш. У нее маленький нежный подбородок. Сколько женственности в этой героине!

— Какое имеет значение, где мы увидимся? Только сначала мне придется поехать на съезд, мне это поручила революция.

Немного замявшись, она говорит:

— У моих подружек уже дети. Я люблю детей. Но если я забеременею, мне нельзя будет поехать на съезд.

— Вы писали Ку Шиену? Советовались с ним?

— Писать ему? Зачем? Он думает так, как я.

Перевел с французского
Е. Андреев